

С. П. МЕЛЬГУНОВ

Император Александр I

<Фрагмент>

<...> Какую же сыграл роль другой привходящий элемент — религиозный — в деятельности Александра? В юности у Александра была одна только религия — религия «естественного разума». После отечественной войны он явно делается пиэтистом и мистиком. Так на него повлиял вихрь пережитых событий; в 1814 г. из-за границы он «привез домой седые волосы». «Пожар Москвы, — говорил Александр в беседе с немецким пастором Эйлертом 20 сентября 1818 г., — просветил мою душу, а суд Господень на снеговых полях наполнил мое сердце такой жаркой верой, какой я до сих пор никогда не испытывал... Теперь я познал Бога... Я понял и понимаю Его волю и Его законы. Во мне созрело и окрепло решение посвятить себя и свое царствование прославлению Его. С тех пор я стал другим человеком». Мистическому настроению легко увлечь в свои недра. Мистики разного рода заполняют внимание Александра. В их туманных, а подчас и бредовых идеях черпается вся мудрость жизни. Александр в Карлсруэ при посещении Баденского герцога поучается у самого Штиллинга — этого оракула западно-европейского мистицизма и такого же непреложного авторитета русских мистиков.

Перед баронессой Крюденер Александр является в виде кающегося грешника, сокрушающегося о прошлой жизни и прошлых заблуждениях. «Крюденер, — говорит Александр, — подняла щедро передо мною завесу прошедшего и представила жизнь мою со всеми заблуждениями тщеславия и суетной гордости». Он часами беседует с квакерами-филантропами Алленом и Грелье, прочувственно плачет, когда ему говорят об ответственности, лежащей на нем, на коленях целует руки вдохновенным подвижникам и в глубоком торжественном молчании, длящемся несколько минут, ожидает «божественного осинения»: это молчание, вспоминал потом Аллен, «было точно восседание на небеси во Иисусе Христе». Точно так же Александр покровительствует и татаринским рыданиям: его сердце «пламенеет любовью к Спасителю»,

когда он читает письма Р. А. Кошелева по поводу кружка Татариновой¹. Он обращается ко всякого рода пророкам и пророчицам, чтобы узнать намерения Провидения: юродивый музыкант Никитушка Федоров, вызванный к Александру как пророк, награждается даже чином XIV класса и т. д. Из подобных бесед, из библейских выписок, сделанных Шишковым в Германии применительно к современным политическим убеждениям, Александр черпает идеи Священного союза и убеждается, что он — избранное орудие Божества. Как Наполеон послужил бичом Божиим для выполнения великого дела Провидения, так и Александру предназначена великая миссия освобождения Европы от влияния «грязной и проклятой Франции» (Михайловский-Данилевский). Можно ли здесь заподозрить какую-либо неискренность? Тенета мистицизма и ханжества очень цепки, но нельзя забывать и того, что новая идеология Александра чрезвычайно гармонировала с его старыми мечтами. Серьезно ли было влияние Крюденера на Александра? Быть может, глубоко прав был один из первых биографов г-жи Крюденер, сказавший: «Очень вероятно, что Александр делал вид, что принимает поучения г-жи Крюденер, для того чтобы думали, что он предан мечтаниям, которые стоят квадратуры круга и философского камня, и из-за них не видели его честолюбия и макиавеллизма». Александр любил выслушивать пророчества и тонкую лесть Крюденер и ей подобных оракулов, но очень не любил, когда они реально вмешивались в область дипломатии. И когда Крюденер, окруженная славой, явилась в петербургские салоны и попробовала вмешаться в неподлежащую ей сферу, она моментально была выслана из Петербурга.

Не надо забывать и того, что новые идеи дали новое освещение и Отечественной войны. Наполеона победила природа. Войдя в Россию, предсказывал Шишков, Наполеон «затворился во гроб, из которого не выйдет живым». Это слишком простое объяснение потрясающим событиям, только что пережитым, казалось уже неудовлетворительным для современников. Надо было найти более глубокий смысл. Если прежде отечественная война выставлялась как борьба за свободу, то ее теперь готовы рассматривать в соответствии с новыми мистическими настроениями как тяжелое испытание, ниспосланное судьбой за грехи. Суд Божий произошел на снеговых полях... Совершенное дело выше сил человеческих. Здесь явлен «Промысел Божий». Новое объяснение упрощенно разрешало целый ряд сложных обстоятельств, ложившихся на правительство. Истинным героем народной войны был русский крестьянин, беззаветно любящий свою родину и боровшийся за нее. Его надо было вознаградить. Только одну награду ждали — освобождения от рабских цепей. Но если отечественная война наслана была Проведением, кто из смертных может воздать должное народу,

который Сам Бог избрал орудием мщения! Русский народ совершил великую мессианскую задачу. Он должен гордиться тем, что Бог избрал его «совершить великое дело», и, не предаваясь гордости, смиренно благодарить «Того, Кто изливал на него толикия щедроты». «Кто, кроме Бога, кто из владык земных и что может ему воздать? Награда ему дела его, которым свидетель небо и земля», — гласил манифест 1 января 1816 года. «Не нам, не нам, Господи, а имени Твоему» — вот эпилог войны. И в виде утешения в горестях народу дана была Библия.

Обоснование международной и внутренней политики на христианских началах, вступление России на «новый политический путь — апокалипсический», как метко выразился Шильдер, влекло за собой реакцию во всех сферах общественного и государственного уклада. Мрачная реакция, реакция без поворотов, без отступлений, без колебаний характеризует вторую половину царствования императора Александра. Скоро мистицизм был, в свою очередь, заподозрен в революционизме. Мистицизм сменила реакция ортодоксальная, и просветов, которые отмечали «дней александровых прекрасное начало», уже не повторялось.

Александр разочаровался, говорят, в своих прежних политических идеалах. Реформаторские неудачи вызывают раздражение, скептическое отношение ко всему русскому, нравственное уныние увлекает Александра в тенета ухищренного мистицизма. Россия оказалась неподготовленной к осуществлению благожелательных начинаний императора, и он охладевает к задачам внутренней политики. Он «удаляется от дел». Но в это обычное представление надо прежде всего внести один существенный корректив. Может быть, некоторым из современников и казалось, что Александр, возненавидевший Россию (Якушкин), удалился от дел. Европа и мрачная непрезентабельная фигура временщика Аракчеева закрывали собой Александра. В действительности, однако, как неопровержимо уже выяснено, в период реакции и охлаждения к делам Александр следил за всеми мелочами внутреннего управления. Дела Комитета министров не оставляют никакого сомнения. Аракчеев, которого любили выставлять каким-то злым гением второй половины царствования Александра, был лишь верным исполнителем велений своего шефа. Аракчееву приписывали инициативу и военных поселений, но несомненно, что творцом этого неудачного детища александровского царствования, вызывавшего большую ненависть и оппозицию в обществе и народе, был сам император. Мы знаем также, что многие из знаменитых аракчеевских приказов правилось самим Александром, некоторые из черновиков написаны его рукою. Александр сознательно скрывался за Аракчеева, как бы возлагая на него всю ответственность перед обществом за ход государственной жизни, тем самым перекладывая на «злодея»-временщика свою непопулярность. Это отметил еще

де Местр. А популярность Александра с каждым годом падала. Росла оппозиция — не консервативно-дворянского характера, а прогрессивная. В этом отношении Александр не учел влияние, которое имело для России его европейская политика; не учел той роли, которую могли иметь заграничные походы, так называемая освободительная война. Ответом на оппозицию была реакция; в ответ на реакцию усиливалось оппозиционное настроение с революционным оттенком. Это типичное историческое явление не миновало России. Отсюда понятны раздражение и скептицизм Александра.

В Западной Европе «мирно-религиозная» идиллия Священного союза с ее заветами христианской морали приводила к тем же результатам — к воплощению в жизнь меттерниховской «системы». Но там для Александра была привлекательна лишь авторитетная роль, которую он играл на конгрессах как освободитель Европы, как самый могущественный европейский государь, как самый надежный оплот престолов и монархических принципов. Ему льстило внимание, которое ему уделяли монархи и избранные члены европейского сообщества. Там его самодержавной власти непосредственно не угрожали никакие потрясения, там он был в стороне от той неурядицы, от того хаоса, который охватывает Россию в последние годы царствования Александра. Там все для него облекается в радостный «вид», и он не видит «только разорение», не слышит только одни «жалобы». Для Михайловского-Данилевского было «непостижимо», почему Александр «не посетил ни одного классического места войны 1812.., хотя из Вены ездил на Ваграмские поля.., а из Брюсселя — в Ватерлоо». Но на самом деле это психологически совершенно естественно. В России, рассказывает тот же современник, Александр «редко во время путешествий входил в разговоры о нуждах жителей», за границей он охотно «посещал дома крестьян». За границей Александр иногда не прочь надеть и либеральную тогу, которая ни к чему не обязывала. Меттерних в общественном мнении выставлял Александра истинным вдохновителем реакции, и Александр как бы в ответ на Ахенском конгрессе выскажет мудрую мысль, что правительства, став во главе общественного движения, должны проводить либеральные идеи в жизнь; он внимательно будет выслушивать мечтательные планы энтузиаста Овэна, признавать всю их важность, будет соглашаться с квакером, что царство Христа есть царство мира и справедливости, что союзные государыни должны руководиться правилами христианской морали, «если кто тебя ударил по щеке, подставь ему другую», быть отцами своих подданных, будет говорить против рабства, возмущаться в парижских салонах торговлей неграми, а когда речь пойдет о крепостном праве в России, скажет: «С Божьей помощью оно прекратится еще в мое управление»...

Иногда в России он намекнет о возможности установления «законодательных учреждений». Он будет в 1811 г. говорить Армфельту, что конституционные порядки в Финляндии ему гораздо больше по душе, чем пользоваться самовластием. Он то же скажет и при открытии польского сейма в 1818 г. Тогда же Новосильцев, по его поручению, будет составлять «уставную грамоту». Любовь к «конституционным учреждениям» будет фигурировать в беседе с Лафероне, а в 1825 г. с Карамзиным, этим «республиканцем в душе». Он будет утверждать, что жил и умрет республиканцем. Не служит ли это наглядным показателем того, что Александр, начав поклоняться «новым богам», не разбил и старых? Это была из тех многочисленных поз, которые, в конце концов, повергали в полное недоумение современников: что же, Александр говорит «от души или с умыслом дурачит свет»? Это одна из черт того арлекинства, которое отметил Пушкин. В устах самодержавного монарха республиканские идеи были красивы и эстетичны. Напоминания о них в период реакционных вакханалий мистицизма и аркакчеевской военщины будили надежды, привлекали сердца прогрессивных слоев общества, мечтавших о реформе. «Возложите надежды на будущее», — говорил Александр Парроту при посещении Дерпта, когда гуманный профессор говорил о необходимости великодушных преобразований, о необходимости призвать к общественной жизни «несчастный народ, пользующийся только призрачным существованием». «Я думаю об этом, я работаю над этим и надеюсь осуществить это дело», — отвечал Александр. Можно было бы поверить искренности Александра, если бы противоречия между словом и делом не проходили бы красной нитью через все дни этого «благожелательного неудачника на троне»; если бы эти противоречия не касались бы тех областей, где элементарная справедливость должна была бы поднять свой голос. Неужели можно поверить наивности, проявленной Александром в 1820 г., когда в Государственном Совете шли прения о непродаже крестьян без земли и когда Александр высказал убеждения, что «в его государстве уже двадцать лет не продают людей порознь». Эта наивность удивила даже Кочубея. Высказанное императором заблуждение не помешало, однако, Государственному Совету отвергнуть внесенный законопроект. Благожелательность Александра, таким образом, разбилась о дворянскую косность. Но не слишком ли большую роль придают этой дворянской оппозиции? Александр был всегда противник рабства на словах, «всем сердцем желал уничтожить в России крепостное право». Он освободил бы крестьян ценою собственной жизни, «если бы образованность была бы более высокой степени». Так говорил Александр Савари в 1807 г. Итак, опять независящие обстоятельства, которые Александр не сумел преодолеть: но в действительности это неумение в значительной

степени было вызвано другими причинами: в намерения Александра освободить городских крестьян, по мнению Тучкова, «скрывалась цель большего еще утверждения деспотизма». Т. е. в крестьянстве он думал найти оплот против олигархических стремлений дворянства, но другая сторона его останавливала: это «боязнь снять узду», как говорил Завалишин. Отсюда вытекала нерешительность. Позднее опасения перед дворянством улеглись. И для Александра в вопросе о рабстве важна лишь внешность. «Патриархальность» крепостного права всецело оправдывала существование рабства: как государь — «отец» народа, согласно идеям Священного союза, так и помещик — отец крепостной семьи. Русский крестьянин благоденствует под игом крепостного ярма. И можно ли было говорить о «варварских обычаях» в стране, руководимой просвещенным монархом! Александр поэтому вполне удовлетворился тем, что сделанный им намек «о варварских обычаях продавать людей “понят”», — как писал Стон Пристлею; объявлений о работоторговле ныне нет, ибо «никто не желает быть причисленным к потомкам варваров». И Александр мог убежденно говорить в 1820 г., что продажи не существует. Александру много раз указывали на ужасное положение крестьян: «Вникните в гибельные последствия рабства владельческого и казенного, — писал ему надворный советник Извольский в 1817, — ваше сердце обольется кровью». Он от «искреннего сердца», как говорил Фонвизин, хотел улучшить положение. Так, по поводу положения Комитета министров 1819 г., запрещавшего принимать жалобы от крестьян помимо местного начальства, Александр писал: «Известно мне, что были случаи, где крестьяне, жалующиеся на помещиков, взамен удовлетворения были еще наказаны». И вот предписывалось не возбранять подавать жалобы и прошения. Жалобы на первых порах насыпались как из рога изобилия: по свидетельству Михайловского-Данилевского, при путешествии Александра близ Байдар на пространстве 32 верст было подано 700 прошений. Как, однако, сам отреагировал Александр на подаваемые ему прошения? Тот же современник рисует бесподобную картину: Александр гуляет, «взгляд его выражает кротость и милосердие». А между тем он только что велел «посадить под караул двух крестьян, которых единственная вина состояла в том, что они подали ему прошение»... «Чем более я рассматриваю сего необыкновенного мужа, тем более теряюсь в заключении», — добавляет рассказчик. Не то же ли было с военными поселениями, т. е. с рабством гораздо более ужасным, чем крепостное право? Мы уже приводили знаменитый ответ Александра по поводу указания на предмет поселений. Он знал ужасное положение поселений, где процент смертности дошел до необычайных пределов. Бунты постоянно свидетельствовали об ужасе, к которому приводило

«великодушное» побуждение благодетельствовать крестьянский мир, умолявший о защите «крещеного народа» от Аракчеева. Несколько сот поселенцев в 1817 г. останавливают Николая Павловича и на коленях просят их пощадить: «Прибавь нам подать, требуй из каждого дома по сыну на службу, отбери у нас все.., но не делай всех нас солдатами». Аналогичный случай происходит и с Марией Федоровной. Александр все это знал. Но военные поселения — это затея, долженствовавшая обеспечить России постоянную сильную армию, а вместе с тем — авторитетное положение в Европе.

Такова была оборотная сторона всех великих государственных начинаний первой четверти XIX века. Напрасно видят какое-то исключение в деятельности Александра в Польше, видят в этой деятельности после начала 1812 г. отблески либерального начала царствования. «Александр, разочарованный в России, во вторую половину царствования жил умом и сердцем по ту сторону Вислы». Так казалось отчасти современникам, оскорблявшимся предпочтением, которое оказывал Александр Польше перед Россией. Положение, конечно, было различно. Но это различие объясняется всем предшествующим положением вещей, а не высокими либеральными идеями Александра. То, что говорил про Россию Жозеф де Местр, можно по преимуществу отнести именно к Польше. Здесь Александр рассчитывал соединить неумолимый деспотизм с фиктивным конституционализмом, с тем самым, какой воздвиг Наполеон на развалинах французской республики. И “*carte blanche*”, который дает Александр Константину как наместнику Польши служит, пожалуй, лучшим подтверждением правильности этой оценки.

Характер и деятельность Александра I вовсе не представляют из себя какой-то исторической загадки. Таких людей, как Александр, история знает много. Не таков ли современник Александра Каразин, который также долгое время был среди непонятных и загадочных личностей. Энтузиаст, либерал, крепостник и реакционер, Каразин вызывал много споров. Но Воейков уже дал ему в «Доме сумасшедших» эпитет «Хамелеона». Злая сатира Воейкова не принадлежала к числу объективных исторических источников, и, однако, теперь уже, пожалуй, мало найдется таких исследователей, которые не вынуждены будут согласиться с наблюдательным современником. Факты уничтожили романтический облик русского «маркиза Позы». Факты снимают ореол загадочности и драматичности и с императора Александра I. Современники, в конце концов, поняли прекрасно загадочную личность.

Английские и американские друзья Александра, обольщенные отзывом Лагарпа и письмами Александра, признавали в 1802 г. «появление такого человека на троне» феноменальным явлением, которое создаст целую «эпоху». Однако, должен был заметить Джефферсон в письме

к Пристлею 29 ноября 1802 г., Александр имеет перед собою геркуле-совскую задачу — обеспечить свободу тем, которые «неспособны сами позаботиться о себе». Но первые года уже несли с собой противоречие. И эти друзья должны утешаться тем, что для Александра «было бы нецелесообразным возбуждать опасения среди привилегированных сословий, пытаясь создать что-либо в роде представительного правления; быть может, даже нецелесообразным было бы обнаружить желание полного освобождения крестьян». Проходят годы, и прежняя «нецелесообразность» остается все в том же положении... Через шестнадцать лет (12 декабря 1818 г.) Джефферсон должен уже выразить сомнение: «Я опасаюсь, что наш прежний любимец Александр уклонился от истинной веры. Его участие в мнимосвященном союзе, антинациональные принципы, высказанные им отдельно, его положение во главе союза, стремящегося приковать человечество на вечные времена к угнетениям, свойственным самым варварским эпохам — все это кладет тень на его характер». Для русских современников Александра эта «тьень» его характера вырисовывалась еще рельефнее. Пушкин вспоминал впоследствии, как «прекрасен» был Александр, когда «из пленного Парижа к нам примчался»: «Народов друг, спаситель их свободы». «Вселенная, пади пред ним: он твой спаситель! Россия, им гордись: он сын твой, он твой царь!» — так передал свое впечатление о московском пребывании Александра в 1814 г. кн. П. А. Вяземский.

Но куда же исчез этот энтузиазм через несколько лет? «Варшавские речи» (1818), по свидетельству Карамзина, «сильно отозвались в молодых сердцах: спят и видят конституцию»; не у всех, однако, нашли они такой отзвук. Уже немногие, пожалуй, как декабрист М. А. Фонвизин, продолжали верить в «искренность свободолюбивых намерений и желаний» императора Александра. «Пора уснуть бы, наконец, послушавши как царь-отец рассказывает сказки» — вот впечатление Пушкина, высказанное в его «сказках». «Владыка слабый и лукавый... нечаянно пригретый славой» — вот другой отзыв Пушкина в известном шифрованном стихотворении. И даже старый воспитатель Александра, Лагарп, учивший своего воспитанника мудрости править, и тот должен был не без разочарования признаться в 1824 г.: «Я обольщался надеждой, что воспитал Марка Аврелия для пятидесятимиллионного населения... я имел, правда... минутную радость высокого достоинства, но она исчезла безвозвратно, и бездонная пропасть поглотила плоды моих трудов со всеми надеждами». В этом Лагарп был сам виноват, но за «минутную радость» вознесет ли потомство Александра на высокий пьедестал?

